

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Крайние МЕРЫ

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Покойник претензий не имел

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Покойник претензий не имел / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Полковник Гуров сразу понял, что убийство владельца крупного супермаркета – заказное и надо искать заказчика. Он начал копать это дело и постепенно вышел на след некоего Шефа. Но не учел он сил противника, не смог предугадать, что Шеф уже копает под него, отслеживая его связи и круг знакомых. Так что подставили полковника по классической схеме – обвинив в убийстве якобы любовника его жены. Конечно, Гурова отстранили от дела, но разве это может остановить настоящего сыщика?.. Роман также издавался под названием «Точка невозврата».

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Леонов, Алексей Макеев

Покойник претензий не имел

Глава 1

Мелкий снег медленно падал на город – на крыши машин и зданий, на плечи и головы прохожих, на тротуары и мостовые, на мраморные ступени банка – и красиво искрился в лучах ярких фонарей. Приближался Новый год, и бесснежная зима едва ли не впервые порадовала снегопадом. Однако тех двоих, что с противоположной стороны улицы жадными взглядами всматривались в украшенный лепниной и колоннами фасад банка, ни красота, ни Новый год нисколько не волновали. Они думали и вели речь совсем о другом. В каком-то смысле, это был разговор о хлебе насущном. Велся он вполголоса, отрывочными фразами, смысл которых вряд ли был бы до конца понятен постороннему.

– Я тебе конкретно говорю, Ферт, у него бабла полны карманы! – убежденно произнес высокий сутулый человек в заношенной дубленке и огромной заячьей шапке. – Мобила навороченная, часы золотые, в банк пошел как к себе домой... Чего ты еще хочешь?

Из-под расстегнутой дубленки был виден грязный длинный шарф, болтавшийся на такой же длинной кадыкастой шее. И руки у сутулого были длинные, с мосластыми заскорузлыми пальцами. Перчаток он не носил, но холода, похоже, совсем не чувствовал. И вообще он производил впечатление человека большой выносливости и силы, а в сочетании с мрачностью и нетерпением, которые светились в его глазах, это принимало откровенно неприятный оттенок. Хотелось держаться от этого человека как можно дальше.

Его спутник, которого сутулый называл Фертом, был на голову ниже ростом, вертляв и, кажется, еще более нетерпелив. Однако он не обладал хладнокровием своего товарища, и мероприятие, которое они с ним наметили, вызывало у него массу вопросов.

– Он, может, теперь там на два часа завис? – сказал он, нервно приплясывая на месте и оглядываясь через плечо на здание банка за спиной. – И охрана тут, и менты близко... Пошли бы лучше по дворам, как всегда!

Одет он был заметно хуже своего приятеля – капроновая куртка и черная вязаная шапочка до бровей – может быть, еще и поэтому он чувствовал себя неуютно там, где горели яркие огни и раскатывали сверкающие лимузины.

– В натуре, пошли отсюда, Будила! – снова предложил он. – Заметут нас здесь, попомни мое слово!

– Не каркай! – презрительно сказал долговязый Будила. – Я уже запарился по дворам ходить. Шуму много, а дела на грош. А здесь мы запросто «зелени» срубим. И не дергайся. Охрана в тепле сидит, а этот хрен один пришел и сейчас обратно пойдет, потому что скоро банк закрывается – не ночевать же он там будет! Пока он к тачке идет – в торец дать, обшмонать и валить отсюда. Только пошустрее, Ферт, пошустрее! По сторонам не смотри – делай что я скажу. А как свистну, ты налево, я направо – и с концами... Встретимся в пивнухе, как обычно.

– Годится, – сказал Ферт, облизывая обветренные губы.

В этот момент, будто подслушав каким-то чудесным образом их разговор, из-за угла вывернулся патрульный милицкий автомобиль, медленно проехал мимо и опять исчез за поворотом. Ферт словно окаменел, и ему пришлось напрячь все силы, чтобы заставить себя не смотреть в сторону опасной машины. Силуэты за ветровым стеклом оставались неподвижны, мигалка не работала. Будила проводил патруль презрительным взглядом, потом с тем же выражением лица посмотрел на приятеля.

– В штаны наложил? – спросил он снисходительно. – Не трясись. Менты всегда опаздывают.

– Ага, – сказал Ферг, смущенный его взглядом. – Я в порядке.

Открылись тяжелые двери банка, и на крыльцо вышли трое: невысокий полноватый господин в щегольской шляпе и парочка одинаковых, как близнецы, парней – косая сажень в плечах, – нависавших над господином, как две скалы. Троица проследовала вдоль вереницы дорогих автомобилей, припаркованных около банка, и уселась в черный «Мерседес». На запыленном тротуаре за ними тянулся свежий пестрящий след.

Будила не видел, отъехал ли «Мерседес», – внимание его отвлеклось.

– Ну, кореш, вот и наш крестник! – горячечным шепотом произнес он. – Теперь лови момент! Только шустро, понял? – Это было его любимое слово.

Тот, кого они ждали, только что вышел из банка и сразу же направился к своей машине. Он был один – высокий, уверенный в себе мужчина в расстегнутом дорогом пальто и с непокрытой головой. Снег серебряными искрами вился над его густыми ухоженными волосами, но, казалось, даже не ложился на них, будто ему препятствовала какая-то невидимая, но серьезная сила.

Не обращая внимания на то, что происходит вокруг, мужчина извлек из кармана мобильник и прямо на ходу начал разговор. Ему оставалось пройти еще пять шагов, когда его догнал Будила и с ходу врезал тяжеленным кулачищем по затылку.

Все произошло мгновенно – мужчина без крика отлетел к стене, поскользнулся и навзничь рухнул на асфальт. Раздался костяной стук ударившегося об асфальт черепа. Трубка мобильного телефона отскочила в другую сторону и упала под ноги подбежавшему Ферту. Тот проворно нагнулся, схватил ее и вдруг сломя голову бросился бежать назад – на противоположный тротуар. Через две секунды он уже исчез в темноте двора.

Будила выругался сквозь зубы, но хладнокровия не потерял – быстро присел возле неподвижного тела и обшарил карманы. Он не суетился – только звериный оскал на лице выказывал внутреннее напряжение, которое Будила испытывал в это мгновение.

Он успел схватить что-то толстое, кожаное, похожее на бумажник, ключи с литым брелоком и – совершенно неожиданно – небольшой пистолет, любовно обернутый клочком замши. Эта находка так поразила Будилу, что он не стал искать дальше – сгреб все в охапку и, пригнув голову, побежал мимо затянутых светящимися белыми шторами окон банка, мимо подсвеченной витрины с цветастыми коврами, мимо искрящейся морозными брызгами каменной стены, а затем нырнул в черный двор, оставив за спиной цепочку разлапистых следов, тревожный шум и чьи-то запоздалые крики.

Только сейчас Будила понял, что так беспокоило трусоватого Ферта. Район действительно был чужим – здесь на каждом шагу были понатыканы банки, модные парикмахерские, бутики и фитнес-салоны. Дамы в шубах и их спутники в белоснежных воротничках с огромным удивлением смотрели вслед удирающему верзиле в огромном малахае и с развевающимся по ветру шарфом.

Будилу не смущали взгляды, но теперь он не был уверен, что сумеет быстро выбраться из лабиринта домов и двориков, куда сунулся без оглядки, по старинной привычке надеясь только на авось и на силу собственных кулаков.

По уму следовало бы сначала проверить дворы в округе, но решение ограбить вальяжного господина в пальто пришло внезапно – едва лишь Будила случайно увидел в его руках пухлый бумажник, – и отвязаться от этой мысли ему уже не удалось. Он и рассчитывал на внезапность, а не на тщательную подготовку. Когда действуешь быстро, все получается как бы само собой, будто по перилам на заднице скатываешься. А если начнешь прикидывать, остерегаться да размышлять, что да как, обязательно все провалишь и вляпаешься в дерьмо. Боль-

шинство людей – трусы, и немногие обладают хорошей реакцией – в этом Будила убеждался неоднократно. Вот если бы только удалось найти выход из этого проклятого лабиринта!

Будила промчался мимо каких-то дверей, перепрыгнул какую-то металлическую оградку, протиснулся в тесную щель между домами, распугал стайку гогочущих подростков, смахнул концом шарфа снежок с капота застывших «Жигулей» и вбежал в холодную подвотню, в которой эхо шагов звенело гулко, как в бочке.

Здесь он опомнился и умерил прыть. Никто за ним не гнался, а появляться на улице в таком встрепанном виде не годилось. Будила поправил малахай, запахнул ворот. Выглянул из-под арки, настороженно зыркнул направо и налево, интуитивно вылавливая в уличной мешанине те несомненные признаки, что отличают мента от обычного человека. На ментов у Будилы был особый нюх, которым он гордился, пожалуй, не меньше, чем своими кулаками.

Ментов в переулке видно не было. Будила высморкался и совершенно спокойно пошел через улицу – он намеревался окончательно запутать следы в проходных дворах, только теперь уже не бегая, как заяц, а тихо и незаметно, как подобает человеку, который ни в чем не виноват.

Он уже сходил с бордюра, как вдруг откуда-то сбоку выметнулся огромный, черный, как призрак, человек и, с профессиональной ловкостью поймав запястье Будилы, вывернул его руку. Будила не испугался и не стал делать лишних движений. Он лягнул нападающего в голень – сильно, от души, рассчитывая сломать кость.

В какой-то степени его задумка удалась. Человек зашипел от боли и чуть ослабил хватку. Будиле этого хватило. Напрягая сухожилия, он вырвал руку и отпрянул в сторону. Но сейчас же справа возникла еще одна тень, и на нее Будила не успел среагировать. Он только уловил какое-то движение возле своего лица, а потом мир вокруг рассыпался обжигающими искрами, все тело Будилы свело судорогой, а в глазах потемнело.

Его подхватили на руки и без промедления запихали в подкативший «Мерседес». Один из нападавших заботливо подобрал с тротуара свалившуюся в пылу борьбы заячью шапку Будилы и швырнул ее на колени бесчувственному хозяину. Второй, усаживаясь на заднее сиденье, выругался вполголоса и сообщил:

– По ноге мне въехал, гад! Трещина точно будет, шеф! Гипс придется накладывать.

Шеф, который сидел впереди, обернулся и сказал серьезно:

– Не зевай! Я тебя, Олег, не для того держу, чтобы трещины твои загипсовывать. Если что, лечение из своего кармана будешь оплачивать. А на будущее постарайся рот не разевать. Заелись вы у меня с Владимиром, вот что!

– Ну уж вы скажете, шеф! – весело отозвался второй, который и был Владимиром. – Обработали, как младенца! Никто и не шелохнулся. А ведь он здоровый, лось! Такого голыми руками взять трудно.

– Вот я и говорю, заелись, – уже мягче заметил шеф и, покосившись на Будилу, озабоченно спросил: – Он у вас живой, лось-то этот? У меня тут не катафалк, чтобы трупы возить!

Владимир проверил и с коротким смешком сообщил:

– Отнюдь, шеф! Дышит!.. Да такого бычару простым шокером разве уничтожишь? Его, пожалуй, и на электрическом стуле не сразу поджаришь.

– Карманы его проверьте, – деловито распорядился шеф. – Чем он там у этого бедолаги Прокопова поживился?.. – И, повернувшись к водителю, добавил: – А ты езжай пока куда-нибудь, где потише и попросторнее. Куда-нибудь в район Измайлова, поближе к лесу...

«Мерседес» медленно доехал до конца квартала, повернул и покатил в сторону Садового кольца. Шеф водрузил на голову щегольскую шляпу, которую до этого держал в руках, и, замерши на переднем сиденье, как статуя, принялся строго смотреть вперед на проносящиеся мимо вечерние огни.

Будилу обыскали.

– Шеф, да у него пушка! – с некоторым удивлением доложил Владимир. – «Браунинг» – семь-шестьдесят пять. Новенький, можно сказать, нестреляный. Ключи вот... Паспорт! Будилин Николай Антонович, семидесятого года рождения, город Кишинев... Шеф, он же не местный! У него временная регистрация и паспортина молдавская! Это же лимита!

– А ты надеялся, что он из хорошей семьи? – с тонкой иронией спросил шеф. – Мне такой и нужен – без корней и без комплексов. Что еще?

– Еще мелочь всякая, – разочарованно сказал Владимир. – Денег сотни три... Да вот еще ежедневник. Солидный! Но это уже явно не его имущество. Точно, это Прокопова книжка.

– Ну-ка покажи! – Шеф полуобернулся и протянул руку, после чего записная книжка в толстом кожаном переплете переключалась к нему.

Перелистнув несколько страниц, шеф кивнул головой.

– Действительно, Прокопова кондуит! Ценная книжца для тех, кто понимает. Но нам она интересна по другой причине... А зачем эта книжка лимите – мне не очень понятно. Может, задание такое ему было? – Лицо шефа приняло озабоченное выражение.

– Да просто он ее за бумажник принял, шеф! – убежденно сказал Владимир. – Зуб даю!

– Может быть, – задумчиво сказал шеф.

В этот момент Будила с шумом втянул воздух и хрипло выругался.

– Очухался? – с интересом спросил шеф.

Будила очумело покрутил головой, опасливо покосился на соседей.

– Что это было? – пробормотал он.

– Ты имеешь в виду, от чего в твоей памяти вдруг появился провал? – рассеянно отозвался шеф. – Не беспокойся, всего-навсего небольшой электрический разряд. Поскольку с тобой возникли проблемы, пришлось применить технику. Все было чисто и практически безопасно. Жаловаться тебе не на что.

– А вы кто такие? – довольно смело спросил Будила. – Вы не менты. Я ментов за версту чую.

Телохранители шефа переглянулись между собой, не зная, как следует реагировать на вольность, допущенную пленником. Но шеф не обратил на вызывающий тон никакого внимания. Не оборачиваясь, он сказал негромко:

– Мы не менты, это ты правильно подметил. Но если ты по ним соскучился, мы сию же минуту можем тебя к ним направить. Наверное, тебя уже по всей Москве ищут. Так что если есть желание, то можно к обоюдному удовольствию...

– Не гони пургу! – перебил его Будила. – Мне не к спеху. А куда мы едем?

– Да просто катаемся, – сказал шеф и уже более жестко добавил: – А вообще хочу тебя предупредить – в разговоре со мной старайся соблюдать субординацию. Кем ты себя воображал? Я хамства не терплю, и если еще раз услышу этот наглый тон, будешь наказан.

– Как скажешь, начальник, – с усмешкой заметил Будила. – Сейчас тебе масть прет. Только не пойму, чего вы меня в такую шикарную тачку к себе взяли? Натоптал я вам тут, да и вообще...

– Переживем, – ответил шеф. – А то, что взяли мы тебя к себе, на то есть причина. Так вышло, что все у нас на глазах случилось.

– А что случилось-то? – прежним ерническим тоном спросил Будила.

– Закрой рот! – резко оборвал его шеф. – Мы все видели. Ты хоть знаешь, на кого руку поднял, лимита голоштанная? У этого человека брат о-о-очень высоко летает! Если он прознает, что ты натворил, впаяют тебе на всю катушку. Еще неизвестно, чем все закончится – а то, может, и пожизненная тебе светит...

– Не пугай, начальник, я пуганный, – сказал Будила, но теперь в его голосе появилась неуверенная нотка. – Лучше скажи, какой лично у тебя интерес. Я так понял, ментам ты меня сдавать не торопишься?

Олег, сидевший слева от Будилы, с большим удовлетворением саданул его тяжелым локтем под ребра, а когда тот дернулся от боли, мстительно сказал:

– Тебе велено соблюдать субординацию, чмо! На «вы» обращайся!

– Спокойно, пес! – мрачно ответил Будила, с ненавистью покосившись на твердый профиль охранника. – Разберемся. Можно и на «вы»... Значит, лично у вас какой интерес, начальник?

– А вот ты о себе расскажи, тогда и подумаем, какой интерес, – заявил шеф. – По паспорту ты молдаванин? Зачем здесь?

– Известно зачем. Заработать приехал. В цветущей Молдове все хорошо и вина море, да вот беда – денег там не заработаешь. Москва все одеяло на себя перетянула.

– Где работаешь?

– У Газаряна, – с презрением сказал Будила. – Есть такая стройконтора. Нежилые объекты. Я у него каменщиком. У него бригада – человек двести, и все, как я, лимитчики. Живем в общежитии, в Тайнинском, хуже свиней. А этот чернозадый еще и не платит ни хрена.

– Ты еще и расист? – удивился шеф. – Сам-то чистокровный ариец, что ли? Ишь ты, «чернозадый»!.. Ну а бомбить состоятельных граждан давно придумал?

– А куда деваться? – мрачно сказал Будила. – Пашешь-пашешь, а в кармане пусто! Кидалово одно, а не работа! Давно бы в Молдову вернулся, да на билет денег нету. Вот и смотри... Смотрите, – поправился он, – что тут делать. На панель пойдешь, не то что...

– Мы сейчас заплачем, – ядовито сказал шеф. – Кто с тобой был? Шустрый такой – мы его и рассмотреть толком не успели, как он ноги сделал.

– Да, шустрый... – угрюмо повторил Будила свое любимое словцо. – Кореш это мой. Тоже у Газаряна работает. Я каменщиком, он – штукатуром.

– Тоже нуждается? – спросил шеф. – Понятно. У него что – нервы плохие?

– У кого сейчас нервы хорошие? – сказал Будила. – Сейчас все нервные. Я, например, на нервной почве зашибить могу запросто.

– А мы так и поняли, – кивнул шеф. – Потому и заинтересовались. Короче говоря, предложение тебе будет. Выгодное. Если согласишься, получишь столько денег, что сможешь пойти к своему Газаряну и прямо в глаза сказать ему все, что про него думаешь. Большое получишь удовольствие.

– А если не соглашусь?

– Насчет этого я уже объяснил. То, что ты у Прокопова похитил, мы пока у себя придержим. А в любую минуту на тебя стукнем – куда угодно, хоть в МУР, хоть в прокуратуру. А мои ребята подтвердят, что все видели, и опознают тебя, и протокол подпишут. Так что родную Молдову ты еще очень скоро увидишь.

– Да, круто! – вздохнул Будила. – Круто рулишь, начальник! Видать, сильно я тебе понравился, если ты за меня взялся.

– Ты мне совсем не понравился, – возразил шеф. – А вот энергию твою в нужное русло направить стоит. Только я хочу быть уверенным, что ты все правильно поймешь и не станешь выкидывать всяких диких вещей. Например, обманывать меня или бежать куда-то... Для уверенности паспорт мы у тебя конфискуем – на время.

– Куда же я в Москве без паспорта? – удивился Будила.

– А тебе никуда пока и не надо, – спокойно ответил шеф. – При надобности мы с тобой свяжемся и на своей машине тебя в любую точку доставим. А так – сиди в своем общежитии или камни на стройке клади. Так оно и тебе, и мне спокойнее будет. Ну, что скажешь, гражданин Будилин?

Шеф обернулся и требовательным взглядом уставился прямо в глаза Будилы.

– А что я скажу? – пожал широкими плечами тот. – Я еще не слышал ваших условий.

– Ты уже достаточно слышал, – сухо заметил шеф. – Или тюрьма, или высокооплачиваемая работа. Чего тебе еще?

– Я так понимаю, эта ваша работа тоже лет на пятнадцать потянет? – делано равнодушным тоном предположил Будила. – Какая же мне выгода?

– Мозги у тебя имеются, – констатировал шеф. – Соображаешь ты правильно. И это радует. А раз соображаешь, значит, сумеешь найти свою выгоду. Про нашу с тобой работу мы никуда сообщать не станем – можешь быть уверенным. Только неплохо было бы кореша твоего подключить. Работа непростая, и двумя руками, даже такими, как у тебя, ее не сделаешь. Деваться твоему дружку, как и тебе, некуда – я думаю, это-то ты ему сумеешь популярно растолковать. Вот только слабоват он в коленках, а? Может, у тебя на примете еще кто имеется? Понадежнее?

– Ферт – мужик цепкий, если за дело возьмется, значит, сделает, – заявил Будила. – Хохол, одним словом. Просто глаз за ним нужен. Ну и, конечно, чтобы интерес был.

– Интерес будет, – сказал шеф. – Получите двадцать кусков. Как уж делить будете – это ваше дело, а сумму я тебе назвал. Мое слово – кремень.

– Я пока еще не слышал, за что вы такие бабки отвалить собираетесь, – заметил Будила. – Может, я Кремль должен взорвать? Тогда уж лучше в тюрьму.

– Не говори чепухи! – зло оборвал его шеф. – Работа в пределах разумного. Для тебя в самый раз. Пару раз махнешь клешнями – и свободен. Деньги, паспорт в зубы, и вали на все четыре стороны. В общем, говори конкретно, что решил – в тюрьму или работать будем?

– Тут решать особенно нечего, – рассудительно сказал Будила. – Вы за меня все уже решили. Ну чего?.. Согласен я. Что делать нужно?

– Что делать, тебе скажут дня через два, – ответил шеф. – А эти два дня посидите с дружком взаперти. Квартира хорошая, не хуже вашей общаги. Едой обеспечим, телевизором... Спиртного ни капли – это категорически. Уедете из Москвы – так хоть по уши залейтесь. Володя за вами присмотрит. На всякий случай. Я не думаю, что у вас хватит ума новых глупостей надумать.

– Вы же сначала говорили, что мы в Тайнинском будем, – недовольно заметил Будила. – Не люблю я по чужим хатам...

– Ну, что ты любишь, а что не любишь – это бабам своим будешь рассказывать, – сердито сказал шеф. – А я решил, что вы на глазах у нас должны быть. Мало ли что... Где сейчас твой Ферт может быть?

– Там, в поселке, – хмуро сказал Будила. – Пивнуха там одна есть. Мы всегда там кантуемся. Ферт туда должен прийти по-любому.

Шеф на секунду задумался.

– Значит, так, вызываете сейчас Николая, – распорядился он, обращаясь к охранникам. – Как подъедет, берете нашего друга и едете в Тайнинское. Найдете там господина Ферта и доставите обоих на ту квартиру, про которую договаривались. Постарайтесь обойтись без лишнего шума. Это я и своим ребятам и тебе, гражданин Будилин, говорю. Доказательства и документ твой у меня останутся, не забывай об этом! А если моча тебе вдруг в голову ударит, имей в виду, мои ребята применят оружие без разговоров.

– Да ладно, начальник! – с легкой досадой заметил Будила. – Лучше бы мой пистолетик вернули! Все-таки я его в бою взял, трофей! – При этих словах он засмеялся, но не слишком весело.

– Мне лишняя головная боль не нужна, – отрезал шеф. – Когда все сделаешь, тогда посмотрим. Но, по-моему, тебя и без оружия на улицу выпускать опасно.

– Вы тоже не ангелы, как я понял, – заметил Будила.

– А мы не в раю живем, – спокойно возразил шеф. – И на ангелов тут спрос пока небольшой...

«Мерседес» плавно затормозил у тротуара. Они находились в пустынном, засыпанном снегом переулке. Шеф сделал знак охранникам, и те вышли из машины. С небольшой заминкой выбрался из салона и Будила. Он потянулся, хрустнул суставами, с усмешкой посмотрел на насупившихся охранников.

– Что носы повесили? – спросил он. – Я в дерьме, а вы заскучали. Сейчас пивка дернем, девчонок найдем – и на хату! Вы у меня сразу повеселеете!

Шеф немного опустил боковое стекло и сказал негромко, но с угрозой:

– Ты к работе готовься, весельчак! Шутки для тебя кончились – не забывай об этом!

Глава 2

Полковник Гуров, старший оперуполномоченный по особо важным делам, подъехал к театру в тот момент, когда его покидали последние зрители. Основная масса уже давно разошлась. Только самые преданные поклонники, фанаты, толпились возле служебного входа, надеясь лицом к лицу встретиться с кем-нибудь из служителей Мельпомены. Но из актеров пока никто не появлялся. На мраморные ступени, ведущие к дверям театра, падал сухой снег. Фасад был ярко освещен. Строгая афиша оповещала о текущем репертуаре. Гуров в этом плохо разбирался, но точно знал, что сегодня в театре давали Шекспира – «Гамлет». Какая-то оригинальная трактовка, новое прочтение, смелое решение вечной пьесы – одним словом, событие... Жена очень рассчитывала, что Гуров будет присутствовать на спектакле, и он сам это планировал, но жизнь опять внесла коррективы, и Гуров на спектакль не попал. Слава богу, что сумел освободиться к финалу, чтобы забрать жену. Это хоть как-то поможет загладить вину.

За время их совместной жизни жена, наверное, миллион раз пыталась приобщить Гурова к высокому искусству. Он и сам понимал, что должен проявлять больший интерес к делу, которому супруга посвятила свою жизнь, тем более что актриса Мария Строева была не только красивой женщиной, но и без преувеличения настоящей звездой сцены. На ее спектакли ломились зрители, ее наперебой приглашали сниматься кинорежиссеры, а толпы фанаток ахали при одном ее имени и готовы были часами дежурить под окнами и на ступенях театра, чтобы перехватить автографы или хотя бы дотронуться до ее рукава. Проявлять в такой ситуации равнодушие к театру было попросту некрасиво, и Гуров тот же самый миллион раз давал себе зарок не пропускать ни одного нового спектакля с участием жены, но от этих благих намерений, как правило, выходил один пшик. У него была своя работа, непредсказуемая и по-своему увлекательная, и она затягивала, как омут.

Мария Строева была зрелой, умной женщиной, не лишенной чувства юмора, и старалась не упрекать мужа, находя некоторое внутреннее сходство между профессиями оперативника и актера. И те и другие редко бывали дома и готовы были работать хоть днем, хоть ночью. В каком-то смысле они были как бы заранее квиты, и упреки были не совсем уместны. И тем не менее Мария иной раз не могла сдержать досады, когда, ища глазами в зале мужа, видела лишь вызывающе пустующее место в первом ряду. И потом, когда ее, возбужденную и опустошенную после спектакля, Гуров все-таки встречал и отвозил домой, эта досада порой вырывалась наружу. Это трудно было назвать размолвкой. На сдержанные упреки Гуров отвечал лишь виноватой улыбкой и чуть отрешенным, но серьезным взглядом. Он думал о своем, но в то же время искренне переживал за свою невольную бестактность. Мария понимала это и злилась недолго. Гуров был для нее образцом мужчины, надежным, уверенным и сильным – в актерской среде такие качества и в таком счастливом сочетании встречались не так уж часто, – и за это прощала ему многое.

Однако «Гамлета» Мария могла и не простить – Гуров отчетливо понимал это, а потому не рискнул встречать жену в одиночку. В качестве громоотвода он захватил с собой своего напарника и друга, полковника Крячко, который имел легкий веселый нрав и умел превратить в шутку любое недоразумение. По простоте души он иногда даже перебарщивал с этим, но люди прощали ему многое. Наверное, потому, что ради красного словца он не щадил и самого себя. Роль шута он играл с удовольствием и артистизмом. Марии он нравился – может быть, она угадывала в нем родственную душу, хотя к театру Крячко был по-настоящему равнодушен и никогда не скрывал этого.

На самом деле полковник Крячко шутом, конечно, не являлся – характер у него был жесткий, а рука тяжелая – в этом могли убедиться многие, кто встречался с ним, как говорится, на тропе войны. Бандиты, например, воспринимали его очень серьезно. А Гуров полагался

на Крячко целиком – как в работе, так и в личной жизни. Они знали друг друга много лет и понимали без слов.

– Ты один ступай, – заявил Крячко, когда Гуров остановил свой «Пежо» напротив служебного входа. – Не хочу за кулисы. Лучше в машине посижу, на снежок полюбуюсь. Первый раз, считай, выпал.

– Я тебя зачем взял? – сердито сказал на это Гуров. – При тебе Мария не станет на мне одном сосредотачиваться. Я ведь ей железно обещал, что с сегодняшнего дня стану заядлым театралом.

– А ты ей привет от меня передай, – посоветовал Крячко. – Сразу, первым делом. Про спектакль и прочую бодягу не разговаривай, а сразу скажи, что у тебя в машине Крячко, и у него болит живот – наверное, мол, аппендицит.

– Тебе же его двадцать лет назад вырезали!

– За двадцать лет мог новый вырасти, – возразил Крячко. – И вообще, суть не в этом, а в том, чтобы заострить вопрос. Заостришь вопрос на мне, глядишь, Мария про твою измену забудет.

– А потом?

– Потом поедem к вам – лечиться, – ответил Крячко. – От аппендицита «Смирновская» помогает. Я сам по телевизору слышал.

– Теперь я понимаю, почему врачи говорят, что телевизор смотреть вредно, – заметил Гуров. – Это из-за таких, как ты. Ладно, считай снежинки, а я пошел на Голгофу. Этого «Гамлета» Мария мне точно не простит.

– Женщины все могут простить, кроме другой женщины, – сказал Крячко. – Так что не дрейфь. Тем более что у нас с тобой тоже сегодня трагедия. И если быть объективным, то куда более актуальная, чем какой-то там принц датский, у которого тут и родственников-то ни одного нет. А у нашего Прокопова куча родни, я уж не говорю о двоюродном брате, который заместитель министра...

– Да уж, лучше не напоминай, – помрачнел Гуров. – И без того тошно.

Он захлопнул дверцу машины и направился к дверям театра, высокий, широкоплечий, уверенный в движениях. Возраст никак не сказался на его атлетичной фигуре, а красивая седина на висках, по мнению многих женщин, даже придавала мужественному лицу Гурова особый шарм. Сам он, впрочем, никогда об этом не думал. Мария была теперь единственной женщиной, которую он замечал. Даже в лицах других женщин он невольно искал ее черты и очень разочаровывался, когда не находил.

Однако, поднимаясь по широким заснеженным ступеням, Гуров на минуту забыл даже о жене. Последнее замечание Крячко снова направило его мысли в то русло, в котором эти мысли, можно сказать, барахтались последние несколько часов, с тех пор как Гурова неожиданно вызвал к себе генерал Орлов, начальник главка, и отдал распоряжение немедленно подключаться к расследованию убийства, совершенного почти на самом пороге одного из столичных банков. Это происшествие мгновенно приобрело широкий резонанс, потому что жертвой убийц на этот раз стал человек, хорошо известный в деловых кругах, коммерческий директор фирмы по производству авиационного топлива «Авиола» Станислав Сергеевич Прокопов, который к тому же был двоюродным братом заместителя одного из министров.

Смерть его была сколь трагической, столь и нелепой. Она настигла его в самом центре города, при большом стечении народа, в двух шагах от собственной машины. Версию заказного убийства выдвинули сразу, но, честно говоря, в нее мало кто верил. Показания нескольких очевидцев убедительно свидетельствовали, что на Прокопова напали не профессиональные киллеры, а подонки из той распространенной породы правонарушителей, что срывают с прохожих шапки и мобильные телефоны и не затрудняют себя выбором средств и вынашиванием тщательно продуманных планов. Просто набежали двое, ударили по голове, схватили что подвер-

нулось под руку и тут же разбежались. Случай самый заурядный, если бы не личность потерпевшего и не место происшествия. Солидный район, множество дорогих заведений с охраной, милиция на каждом углу – и тем не менее преступникам удалось без труда скрыться.

Это было самым неприятным моментом – убийц и след простыл. Милиция прибыла на место происшествия буквально через минуту, тут же была поднята тревога, оцеплен район, но преступники как сквозь землю провалились. К тому времени, как Гуров и Крячко включились в дело, следственная бригада и многочисленные оперативники проверили все окрестные дома и магазины, опросили большую часть жителей. Многие видели убегающего убийцу – высоченного детину в огромном малахае, но никто не мог сказать, в каком направлении он скрылся. Поскольку милиция почти сразу установила контроль над всеми прилегающими улицами, а также над всеми станциями метро, то возникало подозрение, что убийца никуда не уехал, а отсиживается где-то поблизости.

За эту мысль ухватились с энтузиазмом и еще раз прочесали район, но никаких следов не обнаружили. Получалось, что грабители действовали расторопнее, чем стражи порядка, и заранее наметили пути отхода. Так или иначе, но на быстрый успех рассчитывать уже не приходилось, а начальство требовало немедленных результатов. Эта дилемма была вечной, но привыкнуть к ней было очень трудно.

Гуров вошел в опустевший уже вестибюль и хорошо известным ему путем проник за кулисы. Профессиональная память позволяла ему безошибочно ориентироваться в лабиринте театральных коридоров, и он довольно быстро нашел гримерную своей жены. Дверь была открыта – в комнате горел яркий свет, и слышались голоса. Услышав их, Гуров невольно замедлил шаг, и все посторонние проблемы вылетели у него из головы в один миг. Он узнал вкрадчивый баритон артиста Емелина, молодого человека, которому предрекали большое будущее и всемирную славу. Емелин считался восходящей звездой экрана и столичной сцены, имел уже массу поклонниц и покровителей и шел по жизни с энтузиазмом и восторгом победителя. Он бесконечно снимался в самых модных сериалах, сверкал белозубой улыбкой на обложках журналов, и только одного не хватало ему для полного счастья – он вбил себе в голову, что должен завоевать сердце Марии Строевой.

Действительно ли он был увлечен ею, или это предпринималось из соображений престижа, Гурова не волновало. С некоторых пор он терпеть не мог этого настырного и самоуверенного юношу, вообразившего, что мир создан исключительно для него. Если быть совершенно точным, то это произошло уже в момент их первой встречи.

Это случилось месяца три назад, когда в театре праздновали юбилей одного из старейших актеров, ветерана сцены трагика Любавина. Было много гостей – даже Гуров сумел присоединиться к жене в тот вечер, – и все было чудесно и весело до тех пор, пока Гуров не обратил внимание на постоянно вьющегося возле Марии смазливому парню, у которого была грива темно-русых волос, лучистый взгляд и улыбка во весь рот. А еще у него имелась неприятная манера влезать в любой разговор, тут же переводя его на свою персону. Впрочем, в тот вечер он был щедр на комплименты и знаки внимания. Все они предназначались исключительно Марии. Емелин разошелся настолько, что даже спел под гитару арию из «Вестсайдской истории», в которой то и дело повторялись слова: «Мария, Мария, Мария...». Выглядело это немного странно, словно юбилей был не у Любавина, а у Марии, но молодому таланту и это сошло с рук. Он даже сорвал аплодисменты. Сама Мария делала вид, что сердится на такое избыточное внимание, но делала это не слишком убедительно. И только Гуров невзлюбил Емелина сразу и окончательно.

Конечно, он держал себя в руках, как подобает цивилизованному человеку. К тому же в уме Гуров постоянно делал поправку на известную специфику театральных нравов. Богема есть богема. Но когда восторженный и разгоряченный Емелин в конце праздника предложил Марии продолжить веселье в модном ночном клубе, Гуров эту попытку решительно пресек.

Одаренный юноша удостоил его в тот раз снисходительной усмешки и подчеркнуто тепло распрощался с Марией. Он сказал, что с трепетом будет ждать новой встречи, и Гуров едва удержался, чтобы не спустить его с высокой театральной лестницы.

Но с тех пор Емелин действительно стал выискивать любой предлог, чтобы лишний раз увидеться с Марией. Он работал в другом театре, был страшно занят, но доброжелатели время от времени докладывали Гурову, что видели Емелина в компании его жены. Он сидел в зале на спектаклях, навещался за кулисы, приносил цветы и целовал руки. Ничего большего, но склад характера у Гурова был отнюдь не богемным, и вся эта катавасия ему совершенно не нравилась, тем более что Марии такое внимание, несомненно, доставляло удовольствие. Она понимала чувства Гурова и отзывалась о новом поклоннике исключительно с иронией, но это было слабым утешением. Гуров предпочел бы, чтобы молодое дарование просто исчезло из их жизни.

Но пока об этом можно было только мечтать. Неуступчивость Марии и ее покровительственное отношение только распаляли Емелина. Он не позволял забыть о своем существовании ни на минуту. По крайней мере, та минута, в течение которой Гуров невольно подслушал разговор в гримерной, была посвящена именно его персоне.

– ...нет, в самом деле, Мария, я вас не понимаю, – говорил Емелин. – Вы – талант, вы – богиня! Вокруг вас должен быть постоянный праздник, вакхический карнавал! А вы обрекаете себя на служение некоей культовой фигуре, которую, я уверен, вы большей частью просто выдумали. Ну в самом деле, как это возможно? Я видел вашего мужа. Стопроцентно положительный герой из соцреалистической пьесы. Совершенно картонная фигура...

– Не говорите о том, чего не понимаете, Володя, – перебила его Мария. – Гуров далеко не картонная фигура, и если бы он мог слышать то, что вы здесь в запальчивости плетете, то, боюсь, вам пришлось бы в этом очень скоро убедиться. Боюсь, ваше самолюбие было бы сильно ущемлено, потому что по сравнению с Гуровым вы суший цыпленок, Володя...

Такое сравнение Гурова заметно приободрило, и он решил на этой ноте прервать дискуссию. Он открыл дверь и вошел в гримерную.

– Привет! – сказал он ровным и теплым голосом, обращаясь в основном только к Марии. – Извини, я опять оказался лгуном. В качестве единственного оправдания могу предъявить только свое сиюминутное присутствие. Честно говоря, обстоятельства были таковы, что я мог вообще не появиться. Сегодня убили человека...

– В самом деле? Расскажите! – оживленно произнес Емелин, сверкая глазами. – Я как раз начинаю сниматься в новом сериале. Условное название «Бандиты». Играю там...

– Не цыпленка, случайно? – с невинным видом спросил Гуров. – Вроде мне что-то такое послышалось... – Он не мог отказать себе в удовольствии нанести этот болезненный укол, хотя и понимал, что для полковника Гурова это слишком мелко.

На скулах актера вспыхнул румянец. Он был уязвлен, но подавил вспышку гнева. Возможно, его остановила ироническая улыбка Марии. Он решил воспользоваться тем же оружием и почти спокойно возразил:

– Нет, у меня другая роль. Мне предложили сыграть полковника милиции. Туповатого, но симпатичного. Такой человеческий тип не имеет со мной ничего общего, поэтому мне это интересно. Может быть, и вы могли бы подсказать что-то ценное в этом плане – какие-нибудь специфические детали, которые позволят оживить образ?

– Могу подсказать только одно – полковников вам пока рановато играть, – сказал Гуров. – Кино, конечно, иллюзия, но все-таки таких зеленых полковников в жизни не бывает. Зритель вам не поверит. Может быть, для начала вам лучше попробовать сыграть лейтенанта? Не обязательно даже туповатого...

– Ну вот что! У меня был трудный день, а вам, видимо, некуда девать свою мужскую энергию, – резко заявила Мария, поднимаясь с кресла. – Если желаете продолжить пикировку, я лучше выйду.

– Человек просто попросил совета, – мирно заметил Гуров. – Я не смог отказать. Но, наверное, это действительно не слишком своевременно. У тебя что-то не так?

– У меня только одно не так, – со значением сказала Мария. – И ты знаешь – что это. Но мы не будем больше ничего обсуждать. Я устала.

– Лимузин у порога, – сказал Гуров с улыбкой.

– Ладно, едем домой, – действительно усталым голосом сказала Мария и, обернувшись к Емелину, добавила: – До свидания, Володя! Спасибо за цветы и добрые слова. Только, честное слово, вы напрасно так себя утруждаете. Лучше бы подарили эти цветы своей девушке.

– Уж не думаете ли вы, что я дарю цветы направо и налево? – шутливо воскликнул Емелин. – Я слишком целеустремленный человек, и вы это знаете, Мария!

– Это знает вся Москва, Володя, – засмеялась Мария и, взяв Гурова под руку, сказала: – Я готова.

Потом, когда они вдвоем вышли из театра и остановились на ступенях под падающим снегом, Мария сказала:

– Не узнаю я тебя, Гуров! Где же твоя хваленая выдержка? Связался с мальчишкой, который только этого и ждет! У него же период такой – он самоутверждается везде и всюду.

– А он не мог бы самоутверждаться где-нибудь в другом месте? – поинтересовался Гуров. – Честно говоря, когда я вижу эту восходящую звезду, у меня просто руки чешутся спустить ее с лестницы.

– Неужели ты ревнуешь, Гуров? – восхищенно воскликнула Мария. – Это что-то новенькое! В таком качестве я тебя еще не знала!

– Я ревнив, как Отелло, – заверил ее Гуров. – Как ты можешь в этом сомневаться? И я официально тебя предупреждаю, что встречи с этим типом, цветы и прочее будят в моей душе самые низменные инстинкты. Может разыгаться трагедия. Как это у вас в «Гамлете»? И все умерли...

– Только вот про «Гамлета» не надо! – досадливо сказала Мария. – Это еще слишком свежая рана, дорогой! А что касается Емелина, то не могу же я вот так запросто выставить человека, который пришел поздравить меня после спектакля! Тем более человека, которого носит на руках вся Москва. Это будет выглядеть глупо.

– Глупо будет, когда это сделаю я, – возразил Гуров. – Но давай больше не будем об этом. Слишком много чести для зеленого мальчишки. Может быть, закатимся в ресторан? Закажем ужин при свечах и простим друг другу обиды...

– Не выйдет, Гуров, – отмахнулась Мария. – Я устала и хочу домой. А кто это сидит у тебя в машине?

– Это Крячко, – вспомнил Гуров. – Да, кстати, он очень страдает. У него что-то вроде аппендицита. Может быть, возьмем его с собой? Устроим скромный семейный ужин...

– Ты неисправим, – вздохнула Мария. – По-моему, у меня гораздо больше поводов для ревности. Ты проводишь со своим Крячко больше времени, чем со мной.

– Но мы же с ним делом заняты, – немного обиженно сказал Гуров. – Вот, например, сегодня два известных тебе туповатых полковника искали двух убийц, тоже, кстати, не самого великого ума. Конечно, не царское это дело – дешевых налетчиков хватать, да человека они убили не простого, а со связями. Потратили мы с Крячко кучу нервов, но остались с носом. Думаешь, мы похудели меньше, чем если бы сыграли какого-нибудь «Гамлета», пускай даже в новом прочтении и без суфлера?

– Просила ведь, не трогай «Гамлета»! – воскликнула Мария. – Вы с Крячко не видите никакой разницы между вечным и преходящим. Лишь бы было, о чем за рюмкой водки покалякать! Лучше не зли меня!

Она решительно пошла к машине, опередив Гурова, а он с виноватым видом шел за ней следом, недоумевая, как так получается, что женщина всегда оказывается права, и почему трагедия вымышленного принца датского заслуживает большего внимания, чем самое что ни на есть реальное убийство, случившееся всего несколько часов назад в том же самом городе, где живут они сами и еще несколько миллионов самых что ни на есть реальных людей?

Глава 3

С наружной стороны окно было оборудовано стальной решеткой, стойки которой были намертво посажены в бетон. Вид из окна был самый паршивый – на глухую кирпичную стену, сверху донизу покрытую какой-то зеленовато-сизой плесенью. Комнаты в квартире были проходные, и в той, что была ближе к выходу, круглосуточно дежурили охранники шефа. Один, по имени Олег, был, можно сказать, старым знакомым. Он все еще прихрамывал на ту ногу, которую повредил ему Будила, и был по этой причине зол как собака. Двое других сторожей, Сергей и совсем молодой Ленька, держались индифферентно, но все они были при оружии и безо всякого сомнения при надобности пустили бы его в ход. Будила был уверен в этом на сто процентов. Однако от решительных действий его удерживало совсем не это. Проклятый «шеф», этот надменный коротышка в широкополой шляпе, о котором Будила до сих пор ничего определенного не знал, загнал его в ловушку, из которой был только один выход – на территорию, огороженную «колючкой», с вышками и холодными бараками. Будиле в барак не хотелось.

Они уже знали, что человек, которого они с Фертом ограбили, скончался, знали, что милиция землю роет, мечтая их найти, и уже точно знали, что убитый имел высокопоставленных родственников. Из этого следовал только один вывод – пощады им ждать было неоткуда. Вся Москва была сейчас для них западней. Их словесные портреты были развешаны на каждом углу, и Будиле с его приметной внешностью не дали бы погулять и суток, тем более без документов. Даже переодеться им было не во что – на квартире, где их с Фертом поселили, не было ничего, кроме жратвы и телевизора.

Как и обещал шеф, им не дали и капли спиртного, и на исходе вторых суток Будила всерьез затосковал. Договариваться с охранниками было бесполезно. На все у них был один ответ – вот приедет шеф, он все скажет.

Кормили, правда, неплохо – даже фрукты давали. Будиле фрукты были не в диковинку, да он их и вообще не любил, а вот Ферт в одиночку уничтожил два кило винограда и был, кажется, очень доволен.

Он вообще воспринимал заточение гораздо спокойнее – жрал вволю и спал всласть, да еще и приговаривал, что такой лафы ему никогда в жизни не перепало. Расстроился он только один раз, в самом начале, когда его по наводке Будилы накрыли в их любимой пивнухе. Но, сообразив наконец, что попался он не один, а с Будилой вместе, и, главное, что их не собираются сдавать в милицию, Ферт тут же воспрянул духом и налег на дармовой виноград.

Нельзя сказать, что он совсем не обиделся на Будилу, но открыто никаких претензий ему не высказывал. Во-первых, просто боялся, а во-вторых, понимал, что и сам сплоховал, когда дал деру с паршивым мобильником. Телефон, кстати, у него отобрали сразу же, как и замусоленный паспорт, и он теперь тоже зависел от воли таинственного шефа. В качестве умственной гимнастики Ферт гадал, каким образом может проявиться эта воля и что их ждет в ближайшем будущем.

– На что же это мы с тобой подписались, Будила, как думаешь? – озабоченно бормотал он, запихивая грязными пальцами кисть винограда в прожорливый рот. – Уж точно не стены штукатурить!.. И кормят как на убой. Я знаешь что думаю? Я вот в одной газетке читал, что есть такие деятели, которые людей для опытов сплавляют. За большие бабки. Берут самых здоровых, вроде нас с тобой, лучше таких, которые под статьей ходят или, скажем, родни никакой у них нет – и сплавляют лепилам. Может, на органы, а может, еще для чего...

Будила слушал этот бред, никак не комментируя, и только мрачно хмурился. Ферта он не считал умным человеком, а газетам не верил. Но то, что их готовят для какого-то грязного дела, не вызывало у него никаких сомнений. Весь вопрос был в том, выполнит шеф свое обещание или нет. Шансов на благоприятный исход было мало. И опыт, и интуиция подсказывали

Будиле, что и на этот раз их кинут, как двух дешевых фраеров. Зачем тратить деньги, когда всегда можно найти более простой и надежный выход? Будила ничего не говорил Ферту, но был уверен, что, как только они выполнят работу для шефа, их тут же уберут. И не выполнить было невозможно – тогда их уберут сразу.

Нужно было найти какой-то выход, поймать момент, когда представится хотя бы минимальная возможность бегства. Тогда можно будет попробовать отдышаться, пораскинуть мозгами и потребовать от шефа свое. Дело это опасное, но иного выбора нет. К тому времени не только шеф будет знать кое-что о Будиле, но уже и Будила будет знать кое-что о шефе. На таких условиях можно вести переговоры.

В эти туманные расчеты он не включал своего прожорливого дружка. Это как-то само собой получилось. Просто Будила понимал: если начнется серьезная заварушка, Ферту не выбраться – не тот замес. А в таких случаях каждый думает только о себе. Так вообще устроена жизнь – если будешь думать о ближнем, о тебе самом уже некому будет думать. Разве что такому вот шефу, который на твоём горбу в рай хочет въехать. Или, скорее, в ад, потому что на ангела он не похож. Да он и сам не скрывает этого.

Два дня уже шел снег. Решетка за окном была облеплена белыми хлопьями. Еще и сейчас на улице порхали снежинки, но уже не так часто и с ленивой неторопливостью. Будила представлял себе оживленные, сверкающие белизной улицы, урчащие механизмы, сгребавшие снег, машины с оранжевыми мигалками, вокзалы, от которых во все стороны разбегаются гладкие бесконечные рельсы, и ему делалось все тошнее и тошнее. Ему хотелось поскорее вернуться домой. Москва оказалась слишком огромной и слишком бестолковой, а может быть, слишком сложной для него. То, что дома его никто не ждет, Будилу сейчас не волновало.

Время тянулось медленно и тягуче, как патока. Почти пустая комната с решеткой на окне и голой лампочкой под потолком с каждым часом казалась все меньше и неудобнее. Она давила и раздражала, как тесный костюм. Единственным развлечением был поход в туалет, который происходил под непременным и бдительным контролем охраны. У Будилы при этом здорово чесались руки – так хотелось навалить этим чистюлям в белых рубашках, но у чистюль из-под распахнутых пиджаков угрожающе торчали рукоятки тяжелых пистолетов. Это были не игрушки, вроде той, что Будила выудил из кармана убитого им человека, – такой штукой запросто можно было снести полчерепа – поэтому он смирлял свои порывы, ограничиваясь лишь язвительными замечаниями в адрес своих церберов. Но они пропускали все мимо ушей – к своим пленникам эти ребята относились совершенно равнодушно, словно к неодушевленным предметам или бессловесной скотине, из которой вот-вот должны сделать консервы. Исключение составлял только Олег, который, похоже, сам с удовольствием бы попытался свернуть Будиле шею при первой возможности, но у него не было на этот счет никаких инструкций.

Часам к четырем быстро стемнело. Ферт уже давно завалился на плоскую кушетку и беззаботно уснул. В соседней комнате о чем-то вполголоса бубнили охранники. Будила смотрел на серебрищееся от инея окно и наливался тяжелой глухой злобой. Он уже был готов на все, лишь бы вырваться из тесных стен и не видеть опостылевших лиц. Если бы ему сейчас предложили прыгнуть в жерло действующего вулкана, он и на это, наверное, согласился бы. Неизвестно, насколько хватило бы его терпения, но судьба наконец решила сжалиться над ним. Часам к восьми вечера в квартиру нагрянули новые люди.

Их было двое. Коротко поздоровавшись с охранниками, они сразу прошли в комнату, где изнывал от тоски Будила, зажгли свет и растолкали дрыхнувшего Ферта. Разговаривали без лишних свидетелей.

Из двоих один был обыкновенной «шестеркой». На протяжении всего разговора он скромно стоял возле двери, внимательно прислушиваясь к каждому слову. В левой руке он держал черный кейс.

Его спутник – суровый, с жесткими чертами лица мужчина – был здесь, несомненно, главным. Но Будила ожидал, что инструкции ему будет давать лично шеф, и был заметно разочарован. Расплывчатая фигура шефа становилась еще более неясной, почти нереальной, а их с Фертом будущее еще более туманным. С кого требовать гарантий, если даже тот, кто давал инструкции, отказался назвать свое имя?

– Мои анкетные данные вас не касаются! – резко заявил он Будиле, сверля его неприязненным взглядом. – Ваше дело внимательно слушать, мотать на ус и выполнять. Малейшая ошибка будет стоить вам очень дорого.

– Это мы поняли, – угрюмо сообщил Будила. – Говори, чего надо делать и когда мы получим свои деньги и ксивы!

– Деньги получите, когда выполните работу, – скупой ответил инструктирующий. – Вот на работе сейчас и сосредоточьтесь. Дело будет непростое. Нужно завалить одного человека.

Он выдержал паузу, пытливо всматриваясь в лица Будилы и Ферта, пытаясь уловить их реакцию.

– Ну, это козе понятно, – презрительно заявил Будила, которого подобное заявление совершенно не тронуло. – В смысле, что вы нас не коровник строить подписали. Мы свое согласие уже дали. Сказали – значит, сделаем. Другой вопрос, когда мы свое получим?

– Получите! – прикрикнул на него инструктор. – Сначала результат представьте. Загубите дело – мы от вас сразу избавимся, имейте это в виду... В общем, прекращайте базар и слушайте! Завтра утром вас отвезут на место. Это будет жилой дом. Из подъезда выйдет человек – вот этот... – Он медленно извлек из кармана цветную фотографию и показал ее Будиле, не дав, однако, в руки.

Будила увидел ничем не примечательное мужское лицо, гладко выбритое, с намечающимся вторым подбородком и заметно поредевшими на висках волосами. Больше всего он был похож на какого-нибудь малозначительного чиновника, не слишком могущественного, но не лишенного амбиций. Таких мужиков Будила презрительно называл «тюхами». Правда, взгляд у человека на фотографии был жесткий и открытый, и назвать его тухой просто не поворачивался язык.

– Для верности вам подскажут, когда он появится, – продолжал инструктор. – Чтобы вы, не дай бог, не перепутали. Возможно, с этим человеком будет еще и охранник. Поэтому вы тоже будете работать вдвоем. Рассчитывайте только на себя. Действовать нужно наверняка и быстро. Как только убедитесь, что задание выполнено, уходите в ближайший переулок. Он там один – не перепутаете. В конце квартала вас будет ждать крытый фургончик с надписью «Мороженое». Садитесь в него, и вас отвезут куда нужно. Там получите свои деньги и документы. А когда стемнеет, вас вывезут за пределы Москвы, к какой-нибудь железнодорожной станции. Сядете в поезд и уедете к себе в Молдову... или где вы там существуете...

– Я с Хохландии, – глуповато улыбаясь, вставил Ферт.

Главный даже не посмотрел на него. Все внимание его было сосредоточено на Будиле.

– Уверены, что справитесь? – строго спросил он. – Может, лучше сразу откажетесь? Сдадим вас властям, отсидите свою пятнашку...

– Не парь мозги, начальник! – лениво сказал Будила. – Зачем эти понты? Все решено. Чем этого кадра долбить будем?

Главный обернулся, кивнул тому, что стоял у двери. Парень приблизился, щелкнул замками кейса. Там, завернутое в мешковину, лежало что-то продолговатое и, судя по всему, тяжелое. Главный жестом предложил Будиле действовать.

Тот размотал мешковину – внутри лежали два обрезка арматурного прута в дюйм толщиной. Будила скривил губы и недоуменно посмотрел в глаза своему «работодателю».

– Что это за фуфло? – спросил он. – Нельзя культурно, что ли, замочить человека? Мы кто тебе – мясники?

– Шибко культурный стал? – ядовито сказал главный. – Может, ты дипломатический факультет закончил? Жрать без салфетки не садишься и плюешь строго в урну?.. А человека голыми руками не ты замочил? Чего же теперь целку из себя строишь?

– Я его не специально замочил, – буркнул Будила. – Кто знал, что у него чердак такой слабый? Но все равно – чем с этими железяками дробиться, лучше бы два ствола выдали. Пуля дура, а все равно надежнее. Тем более, сам говоришь, там охранник будет. А у всей охраны сейчас обязательно огнестрельное.

– Базара у нас с тобой не получится, – оборвал его инструктор. – Шефу нужно, чтобы работа была сделана строго по сценарию. Пострелять и без вас любителей полно. Все понял?

– Да уж понял, – процедил Будила. – Поймали мы на свой конец трипперок...

– Сидел бы тихо, – равнодушно заметил инструктор, – никто бы тебя не кантовал. Сам виноват. Короче, я вам все объяснил четко. Будете валять дурака, живыми с того места не уйдете. Этот факт себе на носу зарубите накрепко. Ну а в остальном я вам не советчик. У вас целая ночь впереди – решайте: иметь или не иметь...

Он поднялся и кивнул своему спутнику. Уже в дверях обернулся и сказал напоследок:

– К семи утра чтобы готовы были! Мне тут с вами некогда будет возиться.

Он ушел, а Будила забросил арматурные прутья под кровать и, не произнеся ни слова, завалился спать. У выспавшегося и напуганного донельзя Ферта была масса вопросов, но он так и не решился задать Будиле ни одного. Всю ночь он ворочался, вздыхал украдкой и подумывал о том, что в сложившейся ситуации для него наилучшим выходом будет потихоньку слиться и сдать властям. На нем крови пока еще не было, и много ему дать не могли, так зачем же ему брать лишний грех на душу?

Решение казалось простым и ясным, но как его выполнить, Ферт так и не придумал. Попробуй сбежать под бдительным оком Будилы и этих опасных типов с пушками! Оставалось надеяться на удачу.

Утром Будила удивил всех – он встал рано и опять без единого слова прошествовал в ванную, где, раздевшись донага, принял ледяной душ. Завтракать не стал, только выкурил подряд две сигареты. В глазах его появился опасный стальной блеск и какое-то странное выражение – когда Будила смотрел на Ферта, тот не мог поручиться, что дружок на самом деле его видит. От этого взгляда в груди у Ферта все замирало, и ему уже не верилось, что удача сегодня ему улыбнется.

Ровно в семь раздался короткий звонок в дверь. Снова явились те же двое. Главный возник на пороге и спросил только: «Готовы?» Будила, не отвечая, потянул из-под кровати железяки, не глядя, швырнул один прут Ферту, другой сунул за пазуху и поднялся во весь свой гренадерский рост.

– Значит, вперед! – констатировал главный и предупредил: – На лестнице и на улице не шуметь! Чем меньше глаз вас видит, тем лучше.

Когда вышли из квартиры, Ферт окончательно приуныл. Охрана практически взяла их с Будилой в кольцо – Олег впереди, его напарники по краям, сзади – главный со своей «шестеркой». И захочешь – не побежишь.

В том же порядке вышли из дома и погрузились в джип. Будила даже не успел как следует рассмотреть место. Район был ему незнаком. Пожалуй, захоти он отыскать этот дом, вряд ли это удастся. Он пытался запомнить маршрут, которым они ехали, но водитель так часто менял направление, так много плутал по закоулкам, что окончательно все запутал.

В результате Будила так ничего и не понял. И то место, куда они в конце концов приехали, он тоже не узнал, хотя огромный, раскрашенный в серо-зеленые тона двадцатиэтажный дом показался ему знакомым. Впрочем, фотографии подобных домов встречались в каждом рекламном листке, где предлагалась покупка элитного жилья. Самому Будиле никогда не при-

ходило строить подобные небоскребы, но оценить постройку по достоинству он мог вполне и отчаянно завидовал тем прохиндеям, которые могли себе позволить подобное жилье.

Территория, прилегавшая к дому с фасада, ограничивалась невысокой стальной сеткой. Ячейки были покрыты пушистой изморозью. Прямо за сеткой на площадке стояло несколько автомобилей. Из выхлопной трубы одного вырывался сизый дымок. Асфальт вокруг дома был уже расчищен, выметен и был мутного серого цвета, как застывшая река.

– Здесь, – сказал главный и резко дернул подбородком.

Охранники, сидевшие по краям, быстро выскочили наружу. Главный обернулся и в крайнем раздражении выкрикнул:

– Чего ждешь? Пошел!

Будила почти выпихнул из машины Ферта, сделавшегося вдруг вялым и неповоротливым. Потом вылез сам и дурашливо притопнул каблуками, будто согреваясь на морозе. По лицу его блуждала диковатая отчаянная улыбка. Главный опустил боковое стекло и с угрозой сказал:

– Смотри, не провали дело! С огнем играешь, сволочь! – Он впервые за эти два дня нервничал и оттого казался Будиле даже опаснее, чем раньше.

Он успокаивающе махнул рукой. Главный откинулся на спинку сиденья, и автомобиль тут же сорвался с места.

– Ладно, пошли! – негромко скомандовал охранник Олег, поглубже опуская на лоб кожаную кепку. – Идите к дому впереди меня и не оглядывайтесь. Когда нужно будет, я вам скажу. Будете валять ваньку, пристрелю обоих без сожаления.

Двое других охранников уже разошлись в разные стороны. Будила понял, что они занимают позиции вокруг дома, чтобы было удобнее наблюдать за происходящим. Действовали они быстро и уже через несколько секунд пропали из виду. Будила мрачно огляделся.

Он уже окончательно понял, что его обманули. Никаких переулков, в которых можно было скрыться, здесь не было и в помине. Перед домом располагалось открытое заснеженное пространство размером с футбольное поле. Все здесь было как на ладони. Рядом находились такие же современные многоквартирные дома с благоустроенными площадками. Наверняка все здесь было заперто, оборудовано видеокамерами, контролировалось охраной, и наверняка где-нибудь рядом торчал милицейский пост. Скрыться можно было только в прилегающих жилых кварталах – метров сто пятьдесят налево и столько же направо – если успеешь добежать, конечно.

– Топай! – зло бросил Олег. – Времени у тебя в обрез. Если жить хочешь, делай что сказано!

Он тоже нервничал и не вынимал рук из карманов. Его-то наверняка ждала за углом машина, и кореша его были где-то рядом. Это Будила с Фертом были здесь как в мышеловке. В лучшем случае их просто бросят на произвол судьбы, а дальше – браслеты, ментовка, следствие и долгие годы где-нибудь в мордовской чаше. А могут и пристрелить, чтобы языком не трепали. Такие случаи происходят ежедневно. Даже если убийц потом найдут, для них с Фертом это будет слабое утешение.

Олег пыхтел за спиной. Тяжелый железный прут оттягивал карман. Будила шел как автомат, исподлобья разглядывая приближающийся с каждой секундой дом. Ферт плелся рядом, тупо глядя себе под ноги.

В том месте, где начиналась огороженная стальной сеткой площадка, Олег вдруг остановился.

– Не оборачивайтесь, – предупредил он. – Сейчас появится. Как скажу, сразу идите навстречу. Не дайте ему добраться до машины.

– А где тот переулок, про который ваш бугор пел? – с вызовом спросил Будила. – Куда нам когти рвать?

– Найдешь куда! – нетерпеливо ответил Олег, который, видимо, уже не хотел даже притворяться. – Жить захочешь – найдешь.

– Подставили, значит? – мрачно заключил Будила.

– Кто тебя подставил? – спохватываясь, зачастил Олег. – Тебе сказали – машина будет ждать. Вон там!..

Он неопределенно махнул рукой в сторону темнеющего в отдалении квартала, и Будила совершенно отчетливо понял – врет. Он сжал челюсти, всмотрелся в окружающий пейзаж, в котором преобладали тоскливые серо-белые тона, и вдруг с ошеломляющей ясностью понял, что на свете нет ни единого человека, который бы опечалился, узнав о его смерти. Только мать, наверное, да ее и самой уже давно нет на свете. Он один как перст в ледяной пустыне.

– Смотри! – прошипел с ненавистью у него за спиной Олег. – Я с тобой не шучу! Тут Москва. Тут принято держать слово.

Будила обернулся. Олег наполовину вытянул руку из кармана пальто – в ней тускло поблескивала рифленая рукоятка тяжелого армейского пистолета.

– Ладно, – сквозь зубы сказал Будила. – Будем держать. Только запомни, козел, – если вы решили нас кинуть, я вас все равно найду и зубами загрызу. Вот такое я тебе даю слово.

– Никто вас не кинет, – сумев сдержаться, ответил Олег. – Все путем будет. Я говорю, тут Москва.

Он опять спрятал пистолет, но с лица его не сходило выражение озабоченности. Вдруг он подобрался и сдавленным голосом произнес:

– Вот он, появился! Кончаем базары! Сломайте ему череп – и все будет путем! Шеф вас озолотит... Пошел!

Он подтолкнул Будилу в спину. Тот рванул за рукав ошалевшего Ферта.

– Шустрее! Живот у тебя болит, что ли?

Они сорвались с места и почти бегом устремились навстречу человеку, который скорым шагом двигался от дома в сторону автомобиля, стоящего примерно на середине площадки. Человек был тот самый – с фотографии. Он был невысок, ростом не выше своего врага, которого все здесь звали «шефом» и который затеял всю эту комедию. «Что эти два шибздика не поделили? – подумал Будила. – Бабки, наверное. Да какая разница! Прутом по черепу, и рвать скорее отсюда. Если нас кинули, буду искать дальше «шефа» сам. Здесь Москва, и надо держать слово».

Рядом с коротышкой шел еще один человек, скорее всего телохранитель, а может, водила – высокий, средних лет, с непокрытой головой. На ходу эти двое о чем-то разговаривали – изо рта у обоих вырывались облачка белого пара.

– Будешь сачковать, – предупредил Будила Ферта, – я сам тебе все внутренности выну!

Ферт молчал и только все сильнее сжимал губы. Он был бледен точно с перепоя.

Те двое, что шли к машине, заметили их в самый последний момент. Увлеченные своим разговором, они почти не смотрели по сторонам. А Будила уже подбегал к ним, выхватывая из кармана прут. Ферт, пуча глаза, повторял все его движения, словно механический болванчик.

Будила не собирался валять дурака и рисоваться у всех на виду дольше, чем нужно. Он подскочил к коротышке и с налету ударил его прутком по голове, вложив в это движение всю свою силу. Вряд ли от такого удара коротышка смог бы устоять, но его выручила мохнатая шапка. Она тут же полетела на асфальт, а коротышка завертелся на месте, закатывая глаза и теряя равновесие. Но прежде чем он успел упасть, Будила еще раз шарахнул его по черепу – по розовой, просвечивающей сквозь растрепавшиеся волосы макушке.

Из-под прута с хрустом брызнула кровь, и коротышка без звука рухнул лицом вниз. Краем глаза Будила зафиксировал, как прыгает рядом Ферт, в приступе необъяснимой ярости охаживая арматурой застигнутого врасплох противника, лицо которого тоже было залито кровью, но который при этом никак не хотел испускать дух. Будила отшвырнул прут, дико огля-

делся и, пригнувшись, побежал дальше – туда, где за голыми деревьями темнел силуэт близлежащего квартала.

И тут будто прямо над ухом у него шарахнул выстрел. Будила увидел, что наперерез ему бежит какой-то человек в темной тужурке с эмблемой, а в руке у него пляшет пистолет. Откуда этот тип тут взялся, Будила сразу не сообразил. На людей шефа тот похож не был – это потом до него дошло, что скорее всего всполошился кто-то из охраны дома. Но сейчас ему было не до размышлений. Раздался второй выстрел, и пуля свистнула у Будилы над головой, сорвав малахай.

И тут он принял единственно верное решение – он не стал убегать. В отчаянном прыжке Будила рухнул в ноги человеку с пистолетом на мгновение раньше, чем тот успел в очередной раз нажать на спуск. По сравнению с высоченным Будилой этот охранник был сущим пацаном, и своим маневром Будила снес его без труда.

Обдирая локти, охранник покатился по асфальту. Глухо брякнул о замерзшую поверхность выпавший из его руки пистолет. Будила извернулся как кошка и цапнул оружие. Еще не поднявшись с земли, он навел дуло на оглушенного охранника, имевшего весьма дурацкий вид, и без колебаний выстрелил ему в живот. Парень охнул и повалился на бок.

Будила вскочил на ноги, и в этот же момент под ногами у него цокнула еще одна пуля. Выстрела он не слышал и сразу понял, что на этот раз стреляют люди шефа. Это был последний довод. Ферт неподвижно лежал в пяти шагах от него – застывшее лицо сплошь забрызгано то ли чужой, то ли собственной кровью. Будила не хотел ложиться с ним рядом.

Он пригнулся и бросился бежать вдоль шеренги автомобилей, пока не наткнулся на тот, выхлопная труба которого уже давно выстреливала дымком. Будила рванул на себя дверцу, рухнул на сиденье и, вжав в лицо очумевшего водителя вороненый ствол, прохрипел:

– Гони, сука! Гони куда глаза глядят!

Глава 4

– Давай больше не будем о грустном. Ты уже позаботился о елке, Лева? – спросил полковник Крячко. – Новый год ведь совсем на носу. Не успеешь оглянуться, как в продаже останутся одни палки с резким смолистым запахом. Удовольствие не самое большое, если у тебя нет на примете, кого вздуть такой палкой.

– По-моему, сейчас таких проблем не существует, – хмуро ответил Гуров. – По-моему, сейчас елками торгуют даже в новогоднюю ночь. Рынок же!.. Но вообще ты прав – я люблю, когда елка заранее дома стоит. Ощущение праздника, что-то такое забытое из детства – подарки, исполнение желаний... Просто сейчас как-то не до того было, сам знаешь.

– Да все я знаю, – вздохнул Крячко. – Потому и говорю. Ты в последнее время какой-то не такой стал, Лева! Вроде подменили тебя. На ковер нас вроде давно не вызывали... Может, проблемы у тебя? На личном, скажем, фронте, а? – Он искоса посмотрел на Гурова проницательным взглядом.

– Мои проблемы при мне и останутся, – сухо сказал Гуров, поворачивая руль. – И вообще, поменьше бы ты думал о ближних, Стас! Ты сам-то елку купил?

– Да мне-то зачем? – простодушно заявил Крячко. – Я, если приспичит, в управлении на утреннике вокруг елки попрыгаю. А на сэкономленные деньги...

– Ясно, – перебил его Гуров. – Значит, кончай трепаться. Приехали уже.

Они свернули к высокому зеленовато-серому дому, на обширной площадке которого уже скопилось несколько автомобилей явно служебного происхождения – здесь были и «Скорая», и парочка патрульных машин, и «Волга» городской прокуратуры, и, как показалось Гурову, даже машина, принадлежащая прокуратуре генеральной.

– Полный комплект, – заключил он. – Нас с тобой только не хватает.

– Но мы прибыли. Значит, дело в надежных руках, – с энтузиазмом сказал Крячко.

Гуров иронически на него покосился.

– Прокурору только об этом не говори, если увидишь, – посоветовал он.

Он остановил машину около служебного «Вольво» с мигалкой и выключил двигатель. Они с Крячко вышли. Несколько милиционеров в форме почтительно расступились, образовав как бы живой коридор, который вел напрямик в то место, где, пряча непокрытую голову в поднятый воротник пальто, стоял старший следователь городской прокуратуры Курагин, человек, по мнению Гурова, немного странный и непредсказуемый. В его характере сочетались качества, совершенно противоречивые. Курагин был педантичным буквоедом, придирчивой занудой, но одновременно он умудрялся быть еще и отчаянным фаталистом, твердо верящим, что ничто на земле не происходит без особого повеления свыше. Поговаривали, что в семье у него не все ладно и что его двенадцатилетняя дочь тяжело больна, но Курагин ни с кем своими заботами не делился. Возможно, считал, что такое суровое наказание назначено ему заслуженно – за какие-то никому не ведомые грехи. Иметь с ним дело было совсем непросто, но, похоже, именно эта участь и ожидала сейчас Гурова – он слышал, что Курагина назначили на расследование убийства Прокопова сверху, совершенно в соответствии с его собственной теорией.

Около Курагина находился большой чин из Генеральной прокуратуры, но он уже собирався уезжать, и этот факт Гуров мысленно отметил как положительный. Присутствие начальства, конечно, дисциплинирует, но все хорошо в меру.

Он даже специально замедлил шаг, чтобы дать чиновнику уехать, но тот, похоже, даже не обратил внимания на присутствие новых лиц. А может быть, очень торопился. Настроение у него тоже было неважное – это без труда прочитывалось по его насуспенному, замкнутому лицу. Не оглядываясь, он прошествовал к своему «Ауди» с мигалкой, забрался на заднее сиде-

ные и с треском захлопнул дверцу. Толпа должностных лиц молча проводила глазами удаляющуюся машину и, кажется, слегка расслабилась.

Гуров подошел к Курагину и пожал ему руку.

– Ну, что тут у нас? – спросил он. – Мы задержались, извини. Почему-то нас не сразу поставили в известность.

Курагин странно посмотрел на него.

– Я тебе скажу почему, – ядовито заметил он. – Потому что кое-где возникла мысль, а не заменить ли полковника Гурова более молодым и перспективным товарищем? Который будет землю рыть... Уяснил теперь, почему тебя не сразу поставили в известность? По той же самой причине, что сменили и следователя, который был назначен до меня. Вдруг кому-то пришло в голову, что я выгляжу перспективнее. А завтра покажется наоборот... Когда погибает кто-нибудь из верхушки, сразу начинается перетасовка колоды. Никому не хочется нести ответственность за провал. Но в конечном итоге всегда побеждает прагматизм. Поэтому все-таки поставили в известность вас, а не каких-то подающих надежды товарищей... А что касается наших сегодняшних дел, то здесь у нас два трупа и двое в коме – их уже увезли. И самое неприятное – один из убийц в бегах. Район оцепили не сразу, а он ушел на машине. Вполне мог за это время выехать за пределы Москвы. Пока никаких сведений, но с минуты на минуту ждем. Далеко он на этой тачке не уйдет.

– Чья машина? – спросил Гуров.

– Вон мается в сторонке, – кивнул головой Курагин. – Продюсер от шоу-бизнеса, господин Тимошук. Заехал с утра за своим партнером по бизнесу – он в этом доме как раз живет – водитель в машине остался. А вышел – ни машины, ни водителя. По сути дела, этот Тимошук и был первым, кто вызвал милицию. Хотя повод имелся и без машины... Вот, полюбуйся!

Но Гуров и сам уже видел трупы, лежащие на носилках и накрытые специальной тканью.

– Ты не поверишь, Лев Иванович, – сказал Курагин. – Но все данные за то, что здесь опять та же парочка поработала.

Гуров пристально посмотрел на него.

– Ты хочешь сказать, что убийцы – те же самые люди, что напали на Прокопова? – спросил он.

– Очень на то похоже, – повторил Курагин. – Свидетелей было немного, да и произошло все очень быстро, никто и не понял, но те, кто кое-что видел, утверждают, что нападавших было двое – по описанию точь-в-точь те же самые. Кстати, можешь сам убедиться. Один из нападавших убит.

– А что же все-таки произошло?

– Судя по всему, дело обстояло так, – со вкусом сказал Курагин. – Эта самая парочка, воодушевленная своим предыдущим успехом, моталась по Москве, выискивая новую поживу. То есть преступные замыслы они вынашивали заранее, но выбор жертвы был скорее всего случаен. Просто увидели хорошо одетого человека и набросились на него с арматурными прутьями. Такой у них, видимо, почерк – нападать на одиноких состоятельных людей...

– Подожди, – остановил его Гуров. – Одинокая жертва – это я понимаю. Но ты говоришь, два трупа и двое в коме. И все это прутьями?

– Не совсем так, – поморщился Курагин. – Одного человека они убили сразу, буквально с двух-трех ударов. Некий Столяров Валентин Данилович, владелец большого магазина электроники. С ним был его водитель. Этого они убить сразу не смогли, но изуродовали здорово. Он сейчас в тяжелом состоянии и вряд ли выживет, как сказали врачи. А еще двое пострадали от огнестрельного оружия. Охранник из дома, где проживал Столяров, услышал шум, выбежал, оценил ситуацию и застрелил одного из грабителей. К сожалению, судя по всему, второй бандит сумел отобрать пистолет и даже самого его ранить. Вот такие дела.

– Значит, у второго теперь еще и пистолет? – задумчиво произнес Гуров. – Что и говорить, хорошенькая перспектива!

Курагин нахмурил брови.

– Будем надеяться, что долго он гулять не будет. У нас имеется его подробный портрет, мы знаем, на какой машине он уехал, у нас в руках труп его друга, наконец... И вообще, все в твоих руках, Лев Иванович! Найди его – и никаких проблем!

– Чтобы найти преступника, нужно понять алгоритм его действий, – сказал Гуров. – А я пока ничего не понимаю. Четырнадцатого декабря в центре города убит Прокопов. Семнадцатого убит Столяров – и тоже в центре. Ты уверен, что это случайность?

– Ну не заказуха же! – снисходительно заметил Курагин. – Ты посмотри на этого подонка, которого охранник застрелил! Типичный маргинал, подзаборник! В кармане никаких бумаг, денег ни копейки... И приятель его, говорят, ничуть не лучше. Мы тут к вещественным доказательствам его шапку приобщили, так этот головной убор выглядит так, будто он его на помойке нашел.

– Я хотел бы побеседовать со свидетелями, – сказал Гуров, внимательно оглядывая прилегающую к дому территорию.

– Мы всех ужепустили. Тут же сплошь деловые люди, – сказал Курагин. – У всех бизнес. Время – деньги, как говорится. Да и толку от их показаний немного – можешь почитать протоколы. Никто практически ничего не видел, за исключением охранника. Как на грех, никого на площадке в момент нападения не было. Охранник же сейчас в реанимации, и ему, естественно, не до показаний.

– Он дежурил один?

– Нет, с напарником, – ответил Курагин. – С ним мы тоже беседовали. Но тот-то вообще в доме торчал и ничего не видел.

– Все равно, с твоего разрешения я с ним побеседую в первую очередь, – заявил Гуров. – Надеюсь, он сейчас на месте?

– Да они с этим бедолагой только заступили на смену, – ответил Курагин. – Куда же ему деваться? Только ты зря потеряешь время, поверь мне! На твоём месте я бы сейчас держал связь с дежурной частью, и, как только обнаружат угнанный автомобиль...

– Автомобиль и без меня обнаружат, – возразил Гуров. – Куда он денется? Только вот еще большой вопрос, будет ли в этом автомобиле преступник? Поэтому меня больше интересует то, что было здесь и сейчас.

– Подоплеку ищешь? – усмехнулся Курагин. – Заговор? По-моему, зря. На самом деле все проще пареной репы. Озверевшие бомжи, вышедшие на охоту, – так я себе это представляю. Только в качестве жертв они выбрали на этот раз людей из приличного общества. Отсюда и весь ажиотаж, а на самом деле все выведенного яйца не стоит.

– Может быть, – сказал Гуров. – Но я все-таки сам тут пошарюсь. Авось найду что-нибудь интересное.

– Хозяин – барин, – пожал плечами Курагин. – А мы, пожалуй, будем сворачиваться. Не вижу, что отсюда еще можно выжать... А ты зайди ко мне сегодня в прокуратуру, как только освободишься.

– Обязательно зайду, – пообещал Гуров и, поманив за собой Крячко, направился к дому.

Второго охранника они нашли в большом вестибюле. Он с довольно расстроенным видом прохаживался вдоль окна, выходящего на площадку, где стояли машины и сустились люди из следственной группы. Было видно, как санитары грузят накрытые полотном трупы. Охранник не мог оторвать глаз от этого зрелища и нервно кусал губы.

Гуров показал ему удостоверение и представился.

– А я – Прохоров Вадим Алексеевич, – сказал охранник. – Вы, наверное, тоже про Серегу хотите спросить? Я-то, к сожалению, проворонил все, опомнился, только когда уже стрельба началась.

Прохоров был очень расстроен и, как показалось Гурову, в первую очередь вовсе не из-за напарника. Охранник явно опасался, что у него теперь могут возникнуть проблемы с работодателем.

– Вы расскажите все по порядку, – попросил Гуров. – Давно вы здесь работаете?

– Примерно год, – сказал Прохоров. – А Серега всего полгода. Так-то мы особенно не дружили, но все равно неприятно. Причем винить мне себя вроде не в чем. Нам положено здесь, в доме находиться, чтобы посторонних не пускать. Ну, конечно, если какое недоразумение на территории, мы тоже можем вмешаться. Но Серега мне вообще ничего не сказал – сорвался вдруг и побежал.

– Он что же, увидел что-то или услышал? – поинтересовался Гуров.

– Наверное, – пожал плечами Прохоров. – Дело в том, что мы обычно у входа торчим. Тут у нас типа пост – чтобы видеть, кто входит, и за лифтом отсюда следить удобнее. А тут как раз господин Столяров со своим водителем спустились. Тот минут за двадцать до этого подъехал и сам наверх поднялся – наверное, так договорено было. Ну а потом вышли, значит. Мы с ними поздоровались, как обычно, и я вот здесь на стульчике сижу себе, а Серега к окну отошел и вроде наблюдает, как жильцы по площадке идут. А потом вдруг крикнул что-то непонятное, схватился и побежал...

– Что крикнул-то? – спросил Крячко.

– Ну не понял я, – смущенно сказал охранник. – Ну что в таких случаях кричат? Типа матам... А потом я слышу – на улице выстрелы. Сначала к окну подошел, чтобы выяснить. А там уже свалка – все лежат, и кровь на асфальте. Асфальт-то снежком примело – кровь на нем хорошо видно. Ну и Серега... Я его по форменной куртке узнал. Мне бы милицию сразу вызвать, а я, дурак, сначала побежал посмотреть – может, кому помочь можно. А чем там поможешь? Серега уже без сознания был, и еще трое там в кровище лежали... Я тут немного, честно говоря, ошалел, потому что первый раз на моих глаза такое.

– Второго преступника видели? – спросил Гуров. – Того, который машину угнал?

Прохоров покачал головой.

– Честно говоря, не сразу даже врубился насчет машины, – признался он. – Вроде краем глаза видел, что кто-то отъехал, а кто – не понял.

– Значит, кроме тел на площадке, ничего необычного не заметили?

– Ничего себе! – воскликнул охранник. – Кроме! Да мне и этого вот так хватило! До сих пор в себя не приду. Серега-то, а?... Как же он так сплоховал, не пойму? Ствол ведь в руках был!

– Вы выходите на дежурство с оружием?

– Да, у нас есть разрешение на служебное оружие – «ИЖ-71», – сказал Прохоров. – Другого нам не положено.

– И часто приходится пускать в ход?

– На моей памяти такое случилось впервые, – огорченно пояснил Прохоров. – А вообще тут у нас тихо. Практически никаких разборок.

– Значит, на погибшего Столярова никто не наезжал?

– Этого утверждать не могу, – ответил охранник. – Но за то, что при мне никаких разборок не было, отвечаю.

– Но здесь же до черта людей живет! – вмешался Крячко. – Неужели вы всех помните?

– Да это сначала трудно, а потом глаз присматривается, и вроде уже всех в лицо знаешь, – объяснил Прохоров. – Не только жильцов, но и тех, кто к ним часто ходит. У нас без этого нельзя. Народ солидный, если что не так, сразу обижаются. Поэтому желательно не ошибаться. Да это и не особенно трудно – мы ведь только за один подъезд отвечаем.

– Знаете, где Столярова квартира? – спросил Гуров. – У него дома сейчас кто-нибудь есть?

– Об этом уже спрашивали, – сказал Прохоров. – Нет у него никого дома. Он давно уже развелся. Жена с дочкой отдельно живут. Это еще до моего поступления было. А так он в основном один. К нему даже бабы редко заходят – в основном мужики одни, партнеры по бизнесу. Вот и сейчас вроде по делам человек пошел, а какие теперь у него дела? – Он обреченно махнул рукой.

– Действительно, – согласился Гуров. – Зато у нас дел прибавилось.

– Да, – вежливо сказал Прохоров. – Ну, этих-то вы быстро поймаете! – В голосе его, однако, слышалось сомнение.

Гуров не стал разубеждать расстроенного охранника, лишь выяснил, в каком охранном агентстве он состоит, и вышел на улицу.

Курагин уже уехал. Трупы увезли. На площадке оставалась только машина ГИБДД, в которой сидели два озабоченных офицера. При появлении Гурова один из них вышел и подошел ближе.

– Товарищ полковник, только что доложили – угнанная «Тойота» обнаружена в районе Лосиног Острова. Брошена на лесной дороге. Инспектор, который обнаружил машину, говорит, что внутри никого нет. Я всем уже сообщил, следователь уже туда едет...

– Ну, значит, и мы едем, – вздохнул Гуров. – Но чуть попозже. Очень мне не хочется уходить отсюда. Вот чувствует мое сердце, что главное – здесь.

Он опять оглянулся по сторонам, словно надеялся, что это главное немедленно откроется его взору. Инспектор ГИБДД терпеливо ждал.

– А вы поезжайте, – махнул рукой Гуров. – Если что – скажете, что мы уже в пути.

Инспектор кивнул и сел в машину. Полковник Крячко дождался, пока она отъедет, а потом недоуменно посмотрел на друга.

– Что тебя зацепило? – спросил он. – Единственный след теперь на Лосином Острове. Все, что здесь было, уже упаковано, сфотографировано и запротоколировано. Что ты надеешься найти?

– Да почти что ничего, – ответил Гуров. – Просто что-то меня смущает во всей этой истории. Два бомжа грабят состоятельных прохожих? Допустим. Но что они взяли в этот раз? По-моему, эта тема даже не обсуждалась.

– Естественно, – хмыкнул Крячко. – Им помешали.

– Им здорово помешали, согласен, – сказал Гуров. – И это тоже кажется мне странным. Здешние охранники до сих пор не применяли оружие и не ввязывались в конфликты. И вдруг такая расторопность и готовность жертвовать собой – откуда?

– Ну, знаешь! – развел руками Крячко. – У нас героем становится любой. Увидел человек, что ближнему грозит опасность, и, не раздумывая...

– Напали на Столярова здесь, на этом самом месте, – перебил его Гуров. – А окно, из которого охранник все это увидел, вон оно где... И обзор из него не очень – я заметил. Нужно специально смотреть, чтобы так быстро среагировать.

– Ты хочешь сказать, что охранник Серега ожидал, что на жильца нападут? – удивился Крячко.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Гуров. – Но уж очень большой контраст между поведением его и напарника. Напарник-то ничего практически не видел. А Серега, как пионер, который всегда готов.

– Ну, не так уж и готов, – заметил Крячко. – Жильца-то он спасти не сумел. И сам пострадал.

– Зато одного преступника уложил без колебаний, – добавил Гуров. – Не знаю, в чем тут дело, но эта мысль не дает мне покоя. Все произошло быстро – никто даже «ой» сказать

не успел. Вышел из дома бизнесмен с водителем – набежали двое, проломили обоим голову железяками, и тут же были обстреляны, причем на поражение. Как это происходило, мы не знаем, но, судя по всему, охранник предельно сблизился с нападавшими, иначе бандиту не удалось бы обезоружить его. А для чего ему нужно было сближаться, скажи мне?

– Погорячился, – сказал Крячко.

– Может быть. А может быть, хотел быть уверенным, что не промахнется. Пистолет «ИЖ» – не чудо оружейной техники, и убойная сила у него не слишком велика.

– Правильно Курагин сказал, – заметил Крячко. – Ты, Лева, сразу подтекст ищешь. А по-моему, все просто, как мычание. Два крестина увидели дичь и, не раздумывая, набросились на нее. А тут должностное лицо. Отважное, не слишком умелое и, между нами говоря, не слишком-то умное. Оно тоже ввязалось в драчку без раздумий. И вот мы теперь имеем, что имеем.

– Наверное, вы с Курагиным правы, – сказал Гуров. – А все-таки нужно хорошенько разузнать все о покойном Столярове. Что за бизнес он вел, что там у него с бывшей женой... Не исключено, что дамочка недовольна размером алиментов, которые муж ей платил, вот и наняла двух бродяг... Но это лишь один из возможных подтекстов.

– Все равно искать нужно в первую очередь того, кто угнал отсюда машину, – напомнил Крячко. – Без его показаний все это пустые фантазии.

– И все-таки давай прогуляемся по округе, – сказал Гуров. – Район здесь большой, густонаселенный, глаз много. Неужели никто так уж ничего и не видел?

– Час был ранний, – сказал Крячко. – В такой час люди или спят, или спешат на работу. До окружающих никому нет дела.

– Ну, кое-кому очень даже было! – возразил Гуров. – Не думаю, что эти бомжеватого типа граждане живут здесь. Но ведь не поленились, встали пораньше...

Он неожиданно прервал свою речь и пристально уставился на группу людей, которая суе-тилась в дальнем конце площадки возле темно-синего автомобиля – кажется, это был «Опель» не самой новой модели.

По-видимому, с машиной было не все в порядке, потому что один из компании весьма живописно жестикулировал и сильно ругался – ветер доносил до Гурова и Крячко обрывки не самых дипломатических выражений. При этом все внимание рассерженного человека было обращено именно на машину – он вертелся вокруг нее, заглядывал под днище и недоверчиво ощупывал капот. Двое его приятелей сочувственно наблюдали и время от времени озабоченно оглядывались по сторонам.

Эта группа только что вышла из дома, и Гурова чрезвычайно заинтересовало поведение этих людей. Они с Крячко переглянулись и подошли ближе.

Хозяин «Опеля» даже не заметил их появления. С бледным от горя лицом он в сотый раз обходил свой автомобиль и бубнил что-то нечленораздельное, но крайне сердитое. Его приятели скромно стояли в сторонке. Они молчали, и лица у них были скорбные, точно рядом лежал покойник.

– Здравствуйте, товарищи! – приветствовал их Гуров. – У вас проблемы?

Хозяин «Опеля» посмотрел на него незрячими глазами и пробормотал:

– Тебе-то какое дело, мужик? Заняться нечем? Ну так я скажу тебе, чем заняться...

Он был одет в полупальто кофейного цвета, на худощавом лице темнела шкиперская бородка. Гурову показалось, что он где-то видел это лицо.

– Грубить-то зачем? – рассудительно заметил он. – Я ведь не из праздного любопытства. Вот мои документы...

Человек с бородкой не прореагировал даже на удостоверение с красными корочками, зато его друзья будто очнулись и заговорили наперебой:

– Да он разве грубит? Несчастье у человека – войдите в положение!

– Он за этой тачкой лучше чем за бабой ухаживал, и на тебе...

– Нам срочно в Останкино нужно, а тут такой форс-мажор...

Тем временем полковник Крячко, тоже совершив круг около машины, вдруг присвистнул и поманил к себе Гурова.

Тот подошел, взглянул и поднял удивленно брови.

– Вот так попали – на ровном месте, да мордой об асфальт! – сказал он. – Да у вас же крыло прострелено!

– Ага! А я думал, это птичка накакала! – ядовито сказал хозяин машины, и Гуров вспомнил, где он его видел.

Это был ведущий какой-то экономической программы с одного из телевизионных каналов. Передача была очень короткой, поэтому и ведущий был не слишком популярен. Фамилия его в голове не задерживалась.

– Насколько я понимаю, накануне этого повреждения не было? – продолжил разговор Гуров, пропустив мимо ушей колкость телеведущего.

– Вот именно! – с чувством сказал тот. – Именно не было! И хотел бы я знать, какая сволочь...

Гуров внимательно осмотрел рваную дырку от пули на крыле машины, облупившуюся краску, покоробленное крыло, а потом оглянулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.